ПОЛЕССКАЯ КАРТОТЕКА

ДОМ НА ДВУХ ХОЗЯЕВАХ

Дело № 3

Никита Соколов

Дом на двух хозяевах

«Автор»
2026

Соколов Н.

Дом на двух хозяевах / Н. Соколов — «Автор», 2026

Дом на Заречной, 14 всегда жил по своим законам. Два хозяина, одна крыша и древний дворовой, который охранял порог по обещанию, данному почти век назад.Но наследники не стали читать старую тетрадь. Один поставил перегородку, разрезав дом пополам. Второй подписал документы у идеального нотариуса. Теперь внучка не может переступить порог собственного дома, а древний дух теряет силы.Архивист Никита Соколов берется за дело, но сталкивается с конторой, которая умеет перекладывать долги перед нечистой силой на чужих людей. Чтобы спасти девушку и не дать дому остаться пустым, Никите придется найти в документах то, чего там не было семьдесят лет.И заплатить за это собственным порогом. Ведь когда дом делят надвое, кто-то должен остаться снаружи.Третья книга цикла «Полесская картотека».

© Соколов Н., 2026
© Автор, 2026

Никита Соколов
Дом на двух хозяевах

Автобус высадил Никиту на площади в половине четвёртого. Ноябрьский день уже серел по краям. Пахло мокрой листвой, печным дымом и сладковатой гнилью падалицы из-под чужого забора. На площади стояли магазин «Продукты», аптека с зарешечённым окном и памятник с облупившейся звездой.

Он поставил сумку на лавку и проверил папку. Заверенная копия завещания, выписка из реестра, копии двух страниц из сельсоветских книг. Три листа бумаги, ради которых он проехал сто сорок километров. Проверил ещё раз. Он теперь всё проверял дважды. Где-то внутри осталось ровное гладкое место, как выбитый зуб, который язык находит сам. Он держался за то, что можно потрогать.

В левом внутреннем кармане лежала карточка. Он не доставал её с вокзала. Носил как повестку: не читаешь, но знаешь, что она там.

До Заречной шёл двадцать минут. На каждом третьем дворе его облаивали. Цепные кобели хрипели из-за заборов. Какая-то мелкая дрянь заходилась на крыльце, пока хозяйка не прикрикнула. Улица жила: дымили трубы, хлопали калитки, в огороде жгли ботву, и горький дым стлался низом.

Дом четырнадцать он узнал по тишине.

Это был крепкий дом на высоком фундаменте, под серым шифером, с зелёными ставнями, облупившимися до дерева. Крыльцо в три ступени, колодец с журавлём, старая яблоня, облетевшая и тёмная. Забор поправляли недавно: две доски были светлые, свежие. За забором не лаяла ни одна собака. Ни звука цепи, ни шороха в будке. Он поймал себя на том, что ищет глазами будку, а будки не было вообще. Кошки на крыльце тоже не было, хотя в деревенском доме кошка на крыльце бывает всегда.

У калитки стояла женщина в тёмном пальто, руки в карманах. Лет тридцать восемь, гладко убранные волосы, лицо учительницы, которая устала повторять. Она стояла на дороге. Носки её ботинок касались линии, где кончалась утоптанная земля улицы и начиналась земля двора. Дальше она не заходила.

— Никита Андреевич? Ольга Воронич. Мы переписывались.

— Да.

Рукопожатие вышло коротким и холодным. Пальцы у неё были ледяные, хотя мороза ещё не было.

— Вы не зайдёте? — спросил он.

— Нет. — Она не отвела глаз. — Виктор вас проводит.

Виктор уже шёл по двору, раскинув руки. Крупный, в расстёгнутой куртке, с широким красным лицом человека, который много времени проводит на ветру и в машине. Он улыбался с такой готовностью, что Никита сразу отметил: человек репетировал.

— Приехали, приехали! Виктор Левчук. С дороги, наверное, замёрзли? Чай поставил, печка топится. Давайте сумку.

Сумку Никита не отдал. Виктор не обиделся, только скосил глаза на папку и тут же отвёл.

— Она у нас с характером, — сказал он вполголоса, кивнув на калитку. — Нервы. Три дня как. Не заходит, и всё. Говорит, дом не пускает.

— А вы как считаете?

— Я считаю, баба с горя.

Он сказал «баба», хотя она приходилась ему двоюродной сестрой и стояла в десяти шагах. Ольга слышала. Никита видел, как у неё дёрнулась щека, но она не пошевелилась.

Они поднялись на крыльцо. Дверь в сени была низкая, обитая старым дерматином, который лопнул на углах и торчал клочьями ваты. Виктор шагнул первым и, не глядя, наступил на порог.

Никита остановился.

Порог был дубовый, широкий, в две ладони. Дерево в центре стёрлось лункой. Её выбили не сто лет шагов, а больше: у кромки доски лежали годовые кольца, как у распила. Лунка блестела. Не лаком, а той тёмной полировкой, которую оставляют только руки и подошвы. В щелях по краям доски белела соль. Не рассыпанная, а втёртая: крупный серый помол, утрамбованный пальцем в каждую трещину. Хозяйки так солят стол от сглаза. Здесь солили порог. И делали это регулярно: соль была свежая, не слежавшаяся.

— Чего встали? — Виктор обернулся уже из сеней. — Заходите, не бойтесь, не кусается.

Никита не ответил. Он не стал наступать на доску. Перешагнул, как делал это всегда, ещё с командировок в деревни, когда старухи на пороге шикали на молодого следователя: не стой, не стой на пороге. Привычка. Ничего больше. Он сказал себе это и вошёл.

В сенях пахло известью, сырым деревом и печной золой. Пахло чем-то ещё, но он не сразу понял чем. Потом понял: ничем. В деревенских сенях всегда есть слой запахов: кошачий, мышиный, сухие травы под потолком, старая обувь, яблоки в ящике. Здесь был только дым, известь и свежая стружка. Он поднял голову. Под потолком висела вязка сушёной мяты, но на ней не было ни паутины, ни пыли.

— Сюда.

Горница была большая, в три окна. Слева русская печь, побелённая, чистая, с пустой лежанкой. Справа красный угол с тёмной иконой, перед ней холодная лампадка. Посредине комнаты стояла стена.

Другого слова он не подобрал. От печного угла к окну напротив тянулись свежие доски, подогнанные впритык, ещё не крашенные. Они пахли смолой и пилой, и из-за этого запаха весь дом казался чужим, как стройка в чужой квартире. Доски стояли на лагах, прибитых прямо к полу. По полу, вдоль основания, шла меловая линия. Грубая, дважды обведённая, с крошкой, налипшей на пол. Перегородка резала горницу почти ровно пополам, но не по середине. Левая часть, с печью и красным углом, оказалась больше.

— Это что?

— Раздел, — сказал Виктор. Тон у него был такой, будто он оправдывался перед проверкой. — По-людски, по справедливости. Завещание читали? «Двум хозяевам». Ну вот: два. Мне ближе печка, я тут и живу, у меня работа. Ольге отходит правая половина с сенями и холодной комнатой. Потом оформим по закону.

— Ольга согласна?

— Ольга… — Виктор пожал плечами. — Подпишет.

Никита обошёл перегородку. С торца в ней была сделана дверь, узкая, на щеколде. Он потрогал доски. Сухие, ещё тёплые от пилы, без единой щели. Подогнал мастер, и подогнал хорошо. Никита невольно отметил, что для человека, который «не успевает ничего оформить», перегородка стояла слишком аккуратно.

— Давно?

— Позавчера. Нанял мужиков.

— А тетрадь?

— Какую тетрадь?

— Покойница вела хозяйство. Тетрадь расходов, книга учёта. В каждом доме такая есть.

Виктор моргнул, секунду помолчал, потом улыбнулся ещё шире.

— Не нашли. Вы смотрите, смотрите, что нужно. Я чай.

Он вышел. Никита остался один и первым делом достал блокнот. Привычка архивиста: описывать до того, как трогать.

Записал по порядку. Окна: три, рамы двойные, стёкла чистые. Часы-ходики на стене стоят, гирька лежит на полу. Стол под клеёнкой, на нём две чашки, одна чистая, одна с чайным налётом. Рядом с печью, на полке в нише, стояло блюдце. Никита сначала не обратил на него внимания: белое, с отбитым краем, пустое. Потом присел. Блюдце не было пустым так, как бывает пустой чистая посуда. Оно было пустым так, как бывает пустым то, что долго наполняли и перестали. На донышке остался желтоватый налёт, высохший до корки, с тонкими трещинками. Молоко. Или то, что клали вместо молока. В последний раз его налили не меньше недели назад. Скорее, десять дней. Столько, сколько прошло после смерти хозяйки.

Он записал это. Записал, что нет мух, хотя в ноябре мухи есть почти в любой избе. Нет мышиных ходов у плинтусов. Нет следов когтей на косяке. Нет ни шерстинки на лежанке. Дом был чище, чем жилой дом имеет право быть. Он был чистым так, как бывает чиста комната, из которой выехали все, кроме одного.

Он поднялся и подошёл к окну. Отсюда, сквозь двойное стекло, было видно калитку. Ольга стояла на том же месте. Ботинки у линии земли. Она смотрела не на Никиту, не на брата. Она смотрела на дверь дома, как смотрят на воду, в которую нужно войти и страшно. Пальцы в карманах сжимались и разжимались: он видел, как ходит ткань.

Виктор вернулся с двумя кружками.

— Что она говорит? — спросил Никита.

— Что вчера пыталась. Вошла в сени, а оказалась на крыльце. — Он поморщился. — Бред. Устала. Лечить надо, а не слушать.

— Вчера пыталась?

— Ну, позавчера.

Он путал дни. Никита сделал в блокноте пометку и подчеркнул её.

Чай был крепкий, невкусный, горячий. Они выпили его стоя, не садясь, потому что садиться было некуда: стулья остались на левой стороне, а правая, Ольгина, пустая, пахла свежей стружкой и немного, едва заметно, холодным камнем, как погреб. Никита поймал себя на том, что ищет на стенах следы от прежней обстановки. Ни гвоздей, ни светлых прямоугольников от рамок. Дом выглядел так, будто кто-то выносил отсюда вещи и стирал после себя следы. Кто-то очень аккуратный.

— Я посмотрю документы, — сказал он. — Мне нужно выйти на воздух и сверить завещание с планом.

— Конечно. Конечно. Вы не торопитесь.

Виктор смотрел на папку у него под мышкой. Не на лицо, а именно на папку. Никита заметил это и ничего не сказал.

Он вышел в сени. Остановился у порога, снаружи уже видна была сумеречная синева двора и белая, неподвижная фигура Ольги у калитки. Он собирался шагнуть, как шагнул внутрь: не наступая, перенося ногу через доску.

Тогда он почувствовал это.

Не сразу. Сначала просто тепло у левого бока, как от грелки, которую забыли под одеждой. Он решил: печка, пар от чая, шерсть пальто. Потом тепло стало определённым, плоским, угловатым. Он знал его форму. Он положил ладонь на пальто и нащупал через ткань прямоугольник.

Карточка нагрелась. Не от тела: он носил её у сердца с вокзала, и она была бы тёплой весь день. Нет. Она горела мягко и ровно, как свежий хлеб, как кирпич в печи, как ладонь человека, который только что отнял руку.

Он не стал её доставать. Он знал, что на ней написано, и знал, что буквы не изменились. Просто стоял на пороге чужого дома, глядя на дубовую лунку, на втёртую соль, на полированное дерево, которое тёрли ногами сто лет, и слушал, как за спиной, на левой половине, в

пустой чистой горнице что-то тихо передвинулось, как человек, который встал со стула, чтобы встретить гостя.

Во дворе стемнело быстрее, чем он рассчитывал. Синева сгустилась, яблоня стала чёрной. Виктор вышел следом, надел шапку и, не глядя на сестру, сказал, что съездит за хлебом и дровами до закрытия магазина. Хлопнула дверца старой «Октавии». Машина развернулась в узком проезде, задев колесом бордюр, и фары прошлись по забору, по светлым новым доскам и по лицу Ольги. Она даже не прищурилась.

Никита дошёл до калитки. Остановился в метре от неё, на своей стороне, чтобы не нависать.

— Давно вы здесь стоите?

— С половины третьего. — Она посмотрела на часы. — Нет. С двух. Я приехала на автобусе, который в два.

— Замёрзли.

— Нет. — Она слегка удивилась. — Нет, не холодно. Странно, да? Пальцы холодные, а в целом не холодно.

Она говорила ровно и коротко, как люди, которые привыкли объяснять детям и уже не повышают голос. Достала из кармана руку, посмотрела на ладонь, спрятала обратно.

— Расскажите по порядку, — сказал он. — Как началось.

— После похорон. Бабушку хоронили в четверг. Потом поминки здесь, в доме. Я накрывала, носила посуду, всё как положено. Всё было нормально. — Она сглотнула. — Назавтра я проснулась в гостинице при вокзале, потому что дома не ночевала, не хотелось. Просто не хотелось, понимаете? Не страх, нет. Как бывает, когда не хочется надевать чужую обувь.

— Дальше.

— Дальше три дня я приходила и сидела на крыльце. Курила, хотя не курю. Потом решила войти за вещами. Шагнула через порог, в сени. — Она остановилась, подобрала слово. — Я помню этот шаг. Помню запах: известь, какая-то стружка. Помню, как положила руку на косяк. И в следующую секунду стою на крыльце, спиной к двери, а рука лежит на перилах. Дверь за мной закрыта. Я не помню, как вышла.

— Сколько времени прошло?

— Не знаю. Минуты. Может, меньше.

— И так каждый раз?

— Нет. Не каждый. Во второй раз я дошла до горницы. Там был Виктор, он что-то говорил про доски. Я кивнула. Потом опять крыльцо. На третий день я не смогла даже поднять ногу. Просто поднять, чтобы переступить. Нога как к полу.

Никита записал: три попытки, три разных расстояния. Нарастание. Дом отпускал её всё ближе к краю.

— Перегородка, — сказал он. — Когда её начали?

— На третий день после похорон. — Ольга впервые за разговор нахмурилась. — Он приехал с мужиками, уже с досками, с лагами. Я спросила, зачем, он сказал, надо делить, пока я не передумала. Как будто торопился. Я сначала подумала: ладно, пусть, ему нужен свой угол. Потом поняла, что он знал, сколько досок. Он привёз ровно столько, чтобы встало вдоль всей горницы. Он мерил заранее.

— Он и раньше говорил о разделе?

— При жизни бабушки? Никогда. Он был у неё два раза за пять лет. — Она помолчала. — Нет. Один раз. Весной, на Радуницу. А потом позвонил мне и спросил про завещание. Я удивилась, откуда он знает, что оно есть.

Никита поднял на неё глаза.

— Откуда?

— Не знаю. Спросила, он замялся и отшутился.

— Какие бумаги вы подписывали?

— Обычные. У нотариуса, когда принимала наследство. Ездила в район. — Она поморщилась, вспоминая. — Обычно там Карпович, его знает вся округа. А тут был какой-то другой, на замене, молодой. Аккуратный. Даже слишком. Подал папку, листов восемь, показал, где подписать. Я подписала там, где галочки. Он сказал, формальность. Я читала по диагонали: заявление о принятии, согласие на что-то, про ключи, про сроки. Всё как положено.

— Копии вам дали?

— Часть. Они у меня в сумке, в гостинице.

— Я посмотрю.

— Пожалуйста. — Она вдруг посмотрела на него прямо, и он увидел, что глаза у неё не усталые, а напряжённые. — Вы ведь не просто документы пришли смотреть. Вы поняли что-то на пороге. Я видела. Вы стояли, как мы тут все стоим.

— Я проверял, как стёрта доска.

— Да.

Она не поверила, и он не стал убеждать. Сказал:

— Я вернусь в сени. Подождите.

Она кивнула, но не отошла. Осталась у линии.

Он поднялся на крыльцо и на этот раз смотрел только под ноги. Порог лежал, как лежал: дубовый, широкий, с тёмной лункой в середине. Соль по краям начала подсыхать от тепла дома и блестела мелкими гранями. Карточка у него на груди тоже подостыла, пока он стоял во дворе. Теперь, у самой доски, она опять потеплела.

Старый обычай он знал по протоколам. Когда-то в районе, на деле о краже, он читал свидетельские показания бабки, которая годами хранила под порогом всё нужное: три монеты, горсть земли с могилы, нитку шерсти. «Чтобы не ушло и не зашло лишнее». Закладка. Если дом старый, закладка есть почти всегда. Её кладут при постройке и меняют при смерти хозяина.

В кармане у него лежал складной нож. Он присел на корточки у порога и осмотрел доску сбоку. Верхняя накладка, та самая, с лункой, держалась на двух коротких брусках. С торца шла щель в два пальца шириной. Гвозди были вбиты давно, а вот шляпки на двух крайних блестели свежим железом: их выбивали и ставили обратно. Совсем недавно.

Он подцепил кромку. Доска подалась неожиданно легко. Он ждал скрипа, но она поднялась беззвучно.

В пазу, в тёмной пустоте, лежали три вещи. Медная монета с неразборчивой чеканкой, позеленевшая по краям. Пучок серой овечьей шерсти, перевязанный выцветшей красной ниткой. Ржавый гвоздь с квадратной шляпкой. Закладка, настоящая и очень старая, лежала в ямке, выбитой под неё.

А поверх неё, ровно, точно по размеру паза, лежал сложенный вчетверо лист.

Он не сразу взял его в руки. Сначала посмотрел. Бумага плотная, чертёжная, без единой пылинки, без сырого пятна от земли. Лист выглядел так, как будто его положили сюда час назад. Закладка под ним уже вросла в дерево, а бумага лежала на ней, как чужая вещь на чужой полке.

Он достал блокнот, записал: «Под порожной накладкой: закладка (монета, шерсть, гвоздь) + лист ватмана, сложен вчетверо, чистый». Потом взял лист за края двумя пальцами и развернул на колене.

Бумага была холодной. В тёплых сенях, в метре от печной стены, она была холодной так, как бывает холоден камень в погребе.

Это был план дома. Он узнал его сразу: те же три окна, те же сени, печь в левом углу. Линия фасада, линия стен, внутренняя перегородка, вычерченная с пунктиром. Перегородка стояла на плане точно там, где её поставили позавчера. Рядом, внизу листа, стоял масштаб: «1:10». В углу, в рамке, штамп: «Лист 1 из 1».

Но не дом занимал центр листа. Центр занимал порог.

Его вычертили отдельно, в разрезе, в трёх проекциях: сверху, сбоку, с торца. Он был нарисован с той же тщательностью, с какой чертят несущую балку. Дуб, 1240 на 210 на 60. Брусок крепления, два. Гвоздь кованый, четыре штуки. Закладка: монета, шерсть, гвоздь. И лунка, вытертая подошвами, была обозначена штриховкой с пометкой: «износ, глубина 14 мм». Рядом, мелким шрифтом, шла колонка: «Принято», «Передано», «Приведено в соответствие».

Он перевёл взгляд на нижнюю часть листа. Там, в рамке, тянулись строки реквизитов. Он читал медленно, как читал в архиве.

«Объект: порог (единица передачи).

Прежний хранитель: Воронич А. Т.

Принимающий: _____

Поручитель: _____»

Две строки пустые. Только «Прежний хранитель» был заполнен. Он провёл пальцем над буквами, не касаясь.

Тушь. Настоящая чертёжная, чёрная, с лёгкой глянцевой кромкой по краям штриха. Буквы стояли с точностью линейки. Каждая «а» повторяла каждую другую «а» до толщины волоса. Нажим везде одинаковый. Ни одной помарки, ни одного исправления. Так писал не человек. Так писал почерк, который прошёл через десятки тысяч листов и забыл, что бывает иначе.

Он знал этот почерк. Видел его уже. Не помнил где. В голове было то гладкое место. Но тело помнило: у него похолодел затылок, а в кончиках пальцев появилось то, что бывает на допросе, когда понимаешь, что подозреваемый заранее подготовил ответы.

Дверь хлопнула за его спиной. Он обернулся слишком быстро. Это был сквозняк.

— Никита Андреевич?

Ольга стояла на крыльце. На нижней ступеньке. Она подошла, пока он смотрел на чертёж.

— Что там?

Он сложил лист вчетверо тем же сгибом, как лежал, и не убрал в папку.

— Пока ничего, что можно показывать. Ольга Сергеевна. Попробуйте зайти.

— Я пробовала.

— Я знаю. Попробуйте при мне. Не торопясь. Просто переступите и встаньте в сенях. Я подержу дверь.

Она не двинулась. Потом кивнула. Поднялась ещё на две ступеньки, оказалась на уровне порога. Никита отступил внутрь, к стене, освобождая проход, и придержал створку ладонью. В сенях пахло известью и сырой стружкой. В горнице за стеной стояла такая тишина, как будто кто-то задержал дыхание.

Ольга выдохнула. Подняла правую ногу и занесла её над дубовой доской, над лункой, над белой солью.

Она не успела опустить подошву.

Доска треснула. Резко, сухо, как ломается лёд под сапогом. Звук был такой громкий, что Никита дёрнул рукой, и створка ударила о косяк. От середины лунки к краям побежала тонкая светлая трещина. Из неё поднялся запах: холодный, каменный, подвальный.

Ольга отшатнулась. Не упала, но спиной ударилась о перила, схватилась за них обеими руками и стояла, часто дыша, с белым лицом, глядя на доску, как смотрят на собаку, которая только что показала зубы.

— Он не пускает, — сказала она.

Райархив занимал второй этаж бывшей типографии, и лестница к нему пахла так, как пахнет только в таких местах: холодной пылью, клеем и мышиным помётом, подсыпанным отравой. Табличка у двери висела на двух шурупах, третий выпал, и угол её завернулся. «Госу-

дарственный архив. Ольшанский филиал. Приём: вт., чт., 10:00–15:00». Была среда. Никита постучал и вошёл, не дожидаясь ответа.

Прихожая оказалась крохотной: вешалка, электрообогреватель, стол с журналом и настольной лампой на гибкой ножке. За столом сидела женщина лет шестидесяти пяти, в сером кардигане, с очками на цепочке и с кружкой, от которой шёл пар. Рядом, на подоконнике, свернулся в клубок рыжий кот. Он приоткрыл один глаз, оценил Никиту и закрыл. После вчерашнего дома это показалось почти неприличным: живое животное в тёплой комнате.

— Мы закрыты, — сказала женщина, не поднимая головы от бумаги.

— Я знаю. Сегодня среда. Никита Соколов, архивист, область. — Он положил на стол удостоверение, которое давно не пригождалось и лежало в паспортной обложке. — По делу о наследстве, по запросу нотариуса. Нужно посмотреть похозяйственные книги по Заречной улице.

— Область не предупреждала.

— Область не знала. Запрос пришёл вчера вечером.

Женщина подняла глаза, посмотрела на удостоверение, потом на него. Лицо у неё было спокойное, крепко сбитое, из тех, что выдерживают любую проверку и ничего не забывают. Она надела очки.

— Нина Павловна Гущина, заведующая. Пальто на вешалку. Сумку на стол, я посмотрю. Карандаши, только карандаши. Ручки не берём. Перчатки хлопчатобумажные в коробке слева, вымойте руки в туалете, потом будем разговаривать.

— Разумеется.

Он вымыл руки хозяйственным мылом над ржавой раковиной, вытер носовым платком, взял перчатки. Читальный зал оказался комнатой с четырьмя столами, двумя настольными лампами и огромным окном, закрытым наполовину светлой плёнкой. Стеллажи уходили вглубь, во второй зал, и там, в полумраке, лежали длинные ряды серых коробок и рулонов.

— По какой улице, говорите?

— Заречная. Дом четырнадцать. Сороковые годы. С сорок шестого по пятидесятый, если есть.

— Книги ведут с сорок шестого. — Она не удивилась. — Лицевые счета хозяйств. Заречная входила в Ольшанский сельсовет. Фонд сто двенадцатый, опись первая. Подождите.

Она ушла в глубину. Он слышал, как скрипит дверь, как катится по рельсам стеллаж, как падает на пол тихий пласт пыли. Вернулась через четыре минуты, с двумя книгами. Большие, в картонных переплётах с полотняным корешком, с чернильными номерами на обложках.

— Сорок седьмой и сорок восьмой. Сорок шестой — на реставрации, в области. Остальные принесу, когда закончите.

— Спасибо.

Он сел, придвинул лампу, перелистал. Бумага жёлтая, ломкая у краёв, шершавая от древесной массы, с мелкими вкраплениями щепы. Страницы разграфлены типографским способом: номер лицевого счёта, адрес, фамилия главы хозяйства, члены семьи, скот, посевы, налоги. Писали фиолетовыми анилиновыми чернилами, которые от времени выцвели до ржавого. Почерки менялись от листа к листу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.